DOI: 10.17117/na.2015.06.210

Поступило в редакцию: 31.05.2015

<http://ucom.ru/doc/na.2015.06.210.pdf>**Масалимов Р.Н.****Парадоксы молодежной политики тоталитаризма
в первой половине XX века: ВЛКСМ и Гитлерюгенд****Masalimov R.N.****The Paradoxicality of the Totalitarian Youth Policy in the 1st Half
of 20th Century: The Leninist Komsomol and the Hitler-Jugend**

В статье рассмотрены идейно-политические основы молодежной политики тоталитарных государств 1930-х гг. Весьма любопытна и поучительна для современности парадоксальность государственной молодежной политики СССР и Германии в 1930-х гг., где самостоятельно действовали молодежные союзы как важнейшие элементы структуры тоталитарной системы. Это был чрезвычайно тяжёлый и кровавый, но необходимый, путь к современной демократии

Ключевые слова: парадоксы тоталитаризма, государственная молодежная политика, свобода, молодежь, союзы молодежи, Ленинский комсомол, Гитлерюгенд

Масалимов Рияз Ниязович

Кандидат исторических наук, доцент
Башкирский государственный университет
(филиал)
г. Бирск, ул. Интернациональная, 10

In the article the main ideological and political principles of youth policy of totalitarian states 1930s are considered. The establishment of totalitarian regimes in Russia and Germany had totally transformed the life of their nations and youth. It was the way to democracy, to contemporary civil society and social state, full of hardships, violence and bloodshed. It were only two all-nation youth leagues – Leninist Youth League and Hitler-Jugend – that turned out to have paradoxically the most outstanding results in the history. Their comparative study is most interesting and instructive

Key words: paradoxicalities of Totalitarianism, the National (State) Youth Policy, Freedom, Youth, Youth Leagues, Leninist Youth League, Hitler-Jugend

Masalimov Riyaz Niyazovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Bashkir State University (branch)
Birsk, Internatsionalnaya st., 10

С установлением тоталитарных режимов в Советском Союзе и в Германии в 1920-1930-х гг. союзы молодежи стали важнейшей частью структуры власти и управления обществом. Парадоксально вот что: именно тоталитарные системы максимально учитывали стремление к свободе, вольнодумству, анархизму молодёжи, которой позволяли в этой структуре самоорганизовываться и самореализоваться в рамках существующих правил. В этом плане опыт государственной молодежной политики как в сталинистской Советской Стране, так и в гитлеровском Третьем Рейхе весьма поучителен и достоин научного изучения. Удивительно искусным и рациональным образом союзы молодёжи воплотились во весьма своевременные и удобные средства ведения эффективной работы среди самой активной и перспективной части населения.

Дети, подростки, молодёжь были и по количеству самой значительной частью населения, как СССР, так и Германии (примерно от 35 до 45 процентов населения) [10].

История российского комсомола и немецкого Гитлерюгенда – это история складывания и функционирования бюрократического аппарата управления и манипуляций юношеством и молодежью первых тоталитарных стран в мире. Так, уже социалистический переворот в октябре 1917 г. в Петрограде, положивший начало утверждению однопартийной диктатуры коммунистов-большевиков, создает привилегированный слой советского общества, монополизировав право определять, что можно, чего нельзя. В отличие от взрослых молодые не сразу включались в эту систему. Только с созданием единого союза молодежи новые поколения были охвачены заботой и контролем партийно-государственного аппарата, который бурно разрастался и устанавливал в обществе свое безраздельное, безальтернативное управление. Этот процесс был вызван объективно теми преобразованиями в общественной структуре, которые проводили – не по прихоти, а по необходимости – РКП (б) и Советское правительство во главе с Лениным (Ульяновым), декретируя и осуществляя огосударствление и централизацию, создавая монополию одной единственной партии. Перед лицом этого процесса Ленинская гвардия, состоявшая из людей уже немолодых, подорванных годами гонений и нечеловеческой напряжённой работы, вдруг оказалась хрупким плотом на гребне вздымавшейся волны. Это была волна рвавшихся к власти и выгодным постам нахрапистых карьеристов и мещан, наскоро перекрасившихся в коммунистов. Их напористая масса жаждала, вопреки представлениям Ленина, стать слоем «управляющих». Можно было каждого из них – и в отдельности, и группами – выгнать, арестовать, расстрелять (кстати, что и делалось порой). Но в целом они были неодолимы. Характер и глубина социальных перемен, бурный рост численности членов партии и чиновников госаппарата, а к тому же огромные размеры страны делали невозможным для немногочисленной группы профессиональных революционеров занять все ответственные посты и держать все управление в собственных руках. Ни Маркс с Энгельсом, Либкнехт с Люксембург, даже ни сам Ленин не смогли предвидеть такого хода событий.

В одной из своих последних статей В.И. Ленин с тревогой писал обо «всей нашей бюрократии, как советской, так и партийной». «В скобках будь сказано, – пояснял он, – бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных» [9, с. 397]. Чуть раньше он выразился ещё четче: «Понятное дело, что возродившийся в советских учреждениях бюрократизм не могло не оказать тлетворного влияния и среди партийных организаций, так как верхушки партии являются верхушками советского аппарата: это одно и то же» [8, с. 32].

Уже на первом съезде РКСМ (октябрь-ноябрь 1918 г.) большевики добились принятия революционной молодежью и ее организацией принципа единого в масштабе всей страны и централизованного сугубо коммунистического союза. И в дальнейшем этот принцип оставался незыблемым, не вызывавшим внутри самого комсомола никаких споров, или, скажем, альтернативных предложений. РКСМ – плод Гражданской войны с её жесткой дисциплиной и цен-

трализацией управления государством и обществом и подчинения всех сил и средств ради защиты Советской страны от интервентов и внутренних врагов. Гражданская война породила этот централизованный полувоенный, не терпящий инакомыслия, единый союз рабоче-крестьянской молодежи.

Следует напомнить, что до октябрьской революции 1917 г. большевики не ставили вопроса о едином молодежном союзе, хотя по большевистской логике партстроительства дело должно было завершиться именно так. В тот период (февраль-октябрь 1917 г.) во многих городах и местностях создавались, действовали, иногда просто числились на бумаге, исчезали и вновь появлялись мириады юношеских и молодёжных объединений разных политических ориентаций, а больше всего, вообще, без каких-либо политических пристрастий, – и никому это многообразие не казалось недостатком.

Созыв I Всероссийского съезда союзов рабоче-крестьянской молодёжи для создания РКСМ 29 октября 1918 г. исходил из потребности в чёткой координации деятельности, в основном, русских и русскоязычных союзов молодёжи. В «Воззвании к союзам молодёжи» летом 1918 г. говорилось, что нужно положить начало организованной работе «во всероссийском масштабе» [13, с. 148]. Естественно, подразумевались различные союзы: рабочей, крестьянской, учащейся и пр. молодёжи, поскольку, как подчёркивалось там же, в их «соединении и нашей общей солидарности залог успеха». Так, где же здесь идеи об организационном единстве молодёжных объединений, о едином Союзе? Вплоть до октября 1918 г. такой идеи не было. Она возникла в ходе дискуссий на первом Всероссийском съезде, а именно 30-31 октября 1918 г. в речах Оскара Рывкина и Лазаря Шацкого [13, с. 43, 61-64].

Между тем Л. Шацкий, занимавший в 1920-1922 гг. пост первого секретаря ЦК РКСМ и являвшийся одним из организаторов Коммунистического интернационала молодёжи (КИМ), был энергичным защитником самостоятельности молодёжных объединений различных ориентаций, конечно, строго в рамках пролетарской диктатуры, в том числе национальных союзов и секций. Он писал: «Во время гражданской войны все рабочие организации работали на войну. Война заставляла работать по-военному, некогда было заниматься демократизмом... Война создавала военную обстановку, и потому о самостоятельности забывали». Вот в чём он видел одну из причин «недостаточной самостоятельности в союзе». «Наш организационный аппарат менее сложен, – продолжал он, – чем аппарат пролетарского государства, но и его даже небольшая сложность явилась третьей причиной недостаточности самостоятельности в нашем союзе» [15, с. 29].

После Гражданской войны партийно-государственная система страны эволюционировала в сторону авторитаризма Политбюро (Бухарин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий), несмотря на курс на новую экономическую политику, провозгласившую некоторые свободы. Конечно же, в этих условиях комсомол и его национальные подразделения накрепко прикрепляются к прочной конструкции диктатуры пролетариата при сохранении относительной самостоятельности и самостоятельности Союза.

В комсомольской прессе 1920-х гг. шла настоящая дискуссия о месте и роли молодёжи в социалистическом строительстве. Например, в книгах «Куда идёт комсомол» и «Комсомол на переломе», вышедшие в 1927 г., наряду с революционной риторикой остро ставятся вопросы вполне бытовые. Сомнения, раздумья порою тревожили душу, молодые люди искали и не находили ответа на возмущавшие их явления. И среди них – бюрократизм, который, как раз, разъедала комсомол, падение авторитета, равнодушие верхов и проблема низов, карьеризм, привилегии, подавление инициативы, пренебрежение аппарата к нуждам и интересам подростков и молодёжи, слово, не подтверждённое делом, рост хулиганства и преступности меньшей части молодёжи и пассивность большей [7].

Анализ речей и трудов идеологов Советской страны и нацистской Германии показывает, что они особое внимание уделяли к иррациональным корням поведения детей и подростков, к своеобразной «диалектике» свободы и дисциплины. При этом и коммунисты, и нацисты склонялись к пониманию дисциплины и свободы личности в духе великих немецких мыслителей – Иммануила Канта и Иоганна Фридриха Гербарта.

Для обеих идеологий весьма кстати пришёлся кантианский взгляд на антропологию, который включал две стороны познания о человеке: физиологическую и прагматическую. В 1798 г. И. Кант писал: «Физиологическое знание о человеке исследует то, что природа делает из человека, прагматическая – то, что он в качестве свободно действующего существа делает или может и должен сделать из себя сам» [6, с. 138]. Далее разъяснял, что «антропология, рассматриваемая как знание мира, – она должна следовать за окончанием школьного обучения – ещё не может быть названа прагматической, если в ней содержится только развёрнутое знание о вещах мира, например, о животных, растениях и минералах в различных странах и климатических поясах; она может быть названа такой только в том случае, если в ней содержится знания о человеке как гражданине мира. ... Выражения знать мир и владеть миром значительно отличаются друг от друга по своему смыслу: в одном случае человек лишь понимает, в чём заключается игра, за которой наблюдает, в другом он в ней участвует» [6, с. 139].

И.Ф. Гербарт создал уникальную всеохватывающую философскую систему, получившую название гербартианство и содержащую собственную теорию обучения. Философия указывает цели воспитания, психология – пути достижения этих целей. Главная цель воспитания, по Гербарту, – гармония воли с этическими идеалами и выработка многосторонних интересов. Пути воспитания И.Ф. Гербарт считал «управление детьми», воспитывающее обучение, развивающее многосторонние интересы, и собственно нравственное воспитание. Важнейшей дидактической задачей он считал развитие произвольного внимания.

И.Ф. Гербарт выдвинул концепцию четырёх ступеней обучения, которые должны служить принципами построения каждого урока: ясность – соответствующая первоначальному ознакомлению с новым материалом при широком использовании средств наглядности; ассоциация – установление связей между

старыми и новыми представлениями в ходе свободной беседы; система – выделение главного, выведение правил и законов; наконец, метод – применение новых знаний на практике в процессе разнообразных упражнений. Абсолютизация и универсализация данной схемы приводила последователей И.Ф. Гербарта к формализации процесса обучения. Средствами нравственного воспитания были определены одобрение и порицание, отвлечение от всего возбуждающего, соблюдение правил, выработка религиозного чувства смирения и зависимости от высших сил. Осознание этих идей каждым человеком обеспечивает бесконфликтность социальной жизни и незыблемость государственного устройства. С нравственным воспитанием у Гербарта тесно связано «управление», состоящее во внешнем дисциплинировании детей, в приучении их к порядку. Средствами управления И.Ф. Герbart называет надзор, приказ, запрещение, угроза, наказание, а также умение занять ребёнка.

Надо отметить, что большая часть европейской системы образования базировалась на теории И.Ф. Гербарта. Мало того, гербартианство впоследствии было признано и советской педагогикой. Так, в 1940 г. стало выходить собрание избранных сочинений И.Ф. Гербарта, подготовленное массовым тиражом в серии «Библиотеке учителя». В предисловии к первому тому было сказано следующее: «Учение Гербарта являет собой непревзойдённую по стройности систему буржуазной педагогики, поэтому и развитие советской педагогики без позитивного переосмысления её наследия невозможно» [3, с. 3-4]. Вряд ли такое было возможно до 1939 г., в период борьбы против всяких проявлений буржуазной культуры, но после подписания в августе 1939 г. пакта Молотова-Риббентропа, ситуация изменилась, и дрейф всей государственной машины Сталина в сторону германофилии был очевиден. Советских школьников вознамерились учить по педагогическим лекалам, предназначенным для Гитлерюгенда, используя сакральную фразу «Каждому своё», которую ещё И.Ф. Герbart предложил применять в воспитательных целях.

Безупречный образ пионера Тимура из известного предвоенного фильма «Тимур и его команда» (1940 г.), снятого по одноимённой книге А. Гайдара, на котором воспитывались поколения советских школьников, – апофеоз гербартианства. В фильме можно мысленно заменить красные знамена на красные же, но со свастикой, и при этом назидательная, моралистическая суть от перемены символов нисколько не изменится. Основная идея фильма состоит в том, что сильный юноша, имеющий чёткое представление обо всём происходящем и использующий свою управляемую волю, подчиняет себе толпу «низших существ», всё время путающихся в своих оценках, понятиях и желаниях.

Это хорошо звучит в речи Р. Гесса 25 февраля 1934 г.: «Для руководителя Гитлерюгенда дисциплина должна быть первой заповедью, и быть тем больше, чем больше он требует дисциплины от своих подчинённых. Он должен требовать от них дисциплины в настолько большей мере, насколько больше молодёжь, по природе своей стремящаяся к свободе, склоняется к дикой необузданности. Но нынешнюю молодёжь легче подчинить дисциплине – в сочетании с уважением к заслугам старшего поколения – потому что это поколение, большей частью, – поколение Мировой войны» [11, с. 4549-4550].

«Два человеческих изобретения можно считать самыми трудными: искусство управлять и искусство воспитывать», – повторяли слова великого Иммануила Канта его ученики в XX в. – «Человек может стать человеком только через воспитание. Он – то, что делает из него воспитание» [2, с. 16].

Один из идеологов нацизма А. Розенберг считал кантианскую версию соотношения свободы и дисциплины продолжением, развитием «истинно немецкого мистика». Он высокопарно писал: «Этот мистик стремится все больше и больше освободиться от конфликтов материального мира. Он признает инстинктивные моменты нашего человеческого существования, наслаждение, силу, но также и так называемые добрые дела несущественными для души; но чем больше он преодолевает земные трудности, тем величественнее, богаче божественнее чувствует себя он внутренне. Он открывает чисто духовную силу и чувствует, что это его душа представляет собой центр силы, с которым, безусловно, сравнить нечего. Эта свобода и беззаботность души по отношению ко всему, в том числе к Богу, и сопротивление всякому принуждению, в том числе со стороны Бога, показывает самую большую глубину, до которой мы можем проследить нордическое понятие чести и свободы. Он является "крепостью души", той "искоркой", о которой мастер Эккехарт говорит с новым удивительным восхищением. Он представляет самую глубокую, самую нежную и тем не менее самую сильную сущность нашей расы и культуры. Эккехарт не называет эту глубину по имени, так как чистый субъект познания и желания не должен иметь имени, не должен иметь качеств, а должен быть отделен от всех форм времени и пространства. Но сегодня мы можем отважиться эту "искорку", которая проявила себя как пожирающее пламя, назвать метафизическим подобием идей чести и свободы. Потому что честь и свобода – это в конечном итоге не внешние свойства, а сущности, не имеющие пространства и времени, которые образуют ту "крепость", из которой вылазку в "мир" предпринимают истинная воля и истинный разум. Для того, чтобы его победить или использовать как временную меру для реализации души» [11, с. 4550-4551].

Национал-социалисты, в отличие от коммунистов, опирались на религию. Показательно, что Гитлер и министр пропаганды Геббельс во многих случаях использовали религиозную терминологию. Более того, нацизм становится тотальным мировоззрением, исключавшим все другие. Поэтому традиционное христианство превратилось в соперника, а не помощника. Адольф Гитлер выступал против него – на первых порах очень осторожно, желая всё же заручиться поддержкой христианских церквей, что ему, в общем-то удалось. Поскольку, как известно, он обращался ко всем гражданам, ему трудно было поддерживать семейные узы и традиционную мораль при одновременном исключении религии. Но он полагал, что со временем его мировоззрение ослабит, а впоследствии позволит вообще устранить христианство из общественной мысли страны. Языческие (древнегерманские) обряды уже перестали быть исключением, но ещё предпринимались попытки проведения нацистских церемоний по протестантским канонам. Основные усилия были направлены на соединение Христа с народом. Целью же нацистского руководства было поглощение религии идеологией, как это произошло с культурой и наукой. И «гер-

манские христиане» этому постепенно подчинились. Хотя большинство населения поддерживало существующие церкви, нацисты исходили из приоритета в будущем евангелической религии.

Многие документы свидетельствуют, каким образом нацисты действовали против традиционного христианства и воздействовали на жизнь немецких граждан. Действия эти были более завуалированными и осторожными, чем в других областях общественной сферы. Но реакция церквей была медлительной и успешной лишь отчасти. Наиболее решительно выступал мюнхенский епископ кардинал М. фон Фаульбахер (1869-1952), который прочитал целую серию поистине сенсационных проповедей. Михаэль фон Фаульбахер, подобно большинству церковных лидеров, был консерватором старого толка. Да и нацисты не считали, что люди преклонного возраста смогут когда-либо принять их мировоззрение, даже не будучи убеждёнными христианами. Нацизм Гитлера проводил большое различие между поколениями, настраивая молодых против стариков. Но и ко всему народу подход нацистов был неодинаков. Когда, например, А. Гитлер выступал против буржуазии, он яростно нападал на представителей старого поколения, выросшего во времена Второй империи. Такое отношение весьма ярко отражено в пьесе Ханса Йоста «Шлагетер» (Мюнхен, 1934). Сын главного персонажа Аугуст горячо поддерживает Лео Шлагетера – нацистского героя и его полную приключений борьбу за отечество (был расстрелян 26 мая 1923 г. по приговору оккупационного французского военного суда в Дюссельдорфе). Его же отец Шнайдер рекомендует осторожность. Разглагольствуя о социальных классах, он стремится лишь к тому, чтобы делать деньги. Сын настроен «не зарабатывать, а служить». Старик называет его поведение «юношеским романтизмом», тогда как этот романтизм символизирует стремление сына «принадлежать своему народу» [12, с. 151-152].

Такая сила, присущая молодёжи во всех социальных системах, и была использована национал-социализмом с самого начала. Об этом свидетельствует, например, речь Рудольфа Гесса по случаю первого торжественного принесения присяги 25 февраля 1934 г. на Кёнигсплац в Мюнхене, приуроченного годовщине обнародования программы НСДАП в день памяти героев. При стечении огромной организованной массы, включая политических руководителей, вождей Гитлерюгенда и Трудового фронта, ожидавших наготове во всех частях Рейха, вместе произнесли присягу после переданной им по радио речи [11, с. 4552].

Очевидно, что «новые люди» героического типа должны были служить молодёжи образцами для подражания, погибая, как Лео Шлагетер, в борьбе с такими врагами, или выполняя ответственное задание, как Тодт. Да и нацистское руководство было молодым: Адольфу Гитлеру было 30 лет, когда он создавал НСДАП, к власти пришёл он, будучи ещё совсем не старым. Йозеф Геббельс, Рудольф Гесс, Мартин Борман были намного моложе своего фюрера. Нацистские идеологи понимали, если молодёжь окажется в плену их мировоззрения, их будущее обеспечено.

Государство Третьего рейха и верхушка НСДАП, точно так же, как и Советское государство и ЦК ВКП(б), придавали воспитанию молодого поколения необычайно высокое значение, выстроив целую сеть государственных учре-

ждений и организаций, отвечавших за проведение государственной политики в области образования и просвещения.

Даже сам фюрер весьма детально разбирался в проблемах воспитания и образования юного поколения. Он еще на заре нацизма писал: «Подводя итог, приходится сказать: наше государство сильно сократит общешкольное преподавание и выделит из него только самое главное и существенное. Рядом с этим оно создаст возможность для всех желающих получить действительно основательное специальное образование. Вполне достаточно, если каждый получит в качестве основного только самое общее образование. В той же области, которую он изберёт своей специальностью, он сможет получить основательное, детальное, специальное образование. Общеобразовательный минимум будет обязательным для всех, специальное же образование будет делом каждого отдельного лица.

Сократив учебный план, мы выиграем много свободных учебных часов, и эти часы должны быть посвящены физическим упражнениям, воспитанию характера, воли и силы решимости» [5, с. 352-353].

Собственно говоря, национал-социализм вместо призрачной образованной личности видит «форму настоящего, т. е. кровью и исторической участью определенную нацию» [18, с. 331]. Национал-социалистское воспитание является «воспитанием в общности и для общности» [17, с. 113]. Поэтому новая школа должна была принципиально исходить из этой общей мысли и стоять на службе у целого народа. В этой связи особое внимание должно уделяться «вечному народному характеру», а не «непостоянству одиночки». «В этой вечности одиночка должен был видеть свою незначительность... и тем решительнее искать славу для своего народа...» [16, с. 20].

Еще одним важным моментом национал-социалистского воспитания было представление, что политический человек является, прежде всего, «активным человеком» [19]. Политическая природа человека односторонне виделась под аспектом действия. «Активный тип противопоставлялся, собственно созерцательному типу человека» [20]. Таким образом, школа должна состоять не из теоретиков, а из политических, т. е. активных людей. Высшей национал-социалистской воспитательной целью было определено придание формы вечного борца и политического солдата. «Послушно и служа» характеризуется образ жизни солдата, политический солдат повинует, однако, зная, когда он повинует, он борется, зная, за что он борется. Политический солдат – это не только убежденный националист, «он готов к решительному действию, борется за то, во что верит: за народ, за государство. Он не только активен, но и всегда решителен, т. е. действующий человек» [1, с. 209]. Политический солдат был связан с командной властью руководителя, он повиновался ему абсолютно.

Тотальное воспитательное требование национал-социализма влекло за собой, в том числе, потерю значения воспитательной системы внутри школы. Она была только частью национал-социалистского воспитательного порядка. На передний план воспитания, в общем, и политического воспитания, в особенном, выступали организации рабочей службы, SA, SS, и, конечно, детской

организации Юнгфольк и гитлеровской молодежи – Гитлерюгенд. В задачу школы входило лишь продолжать и поддерживать работу союзов молодёжи.

Таким образом, большевики и национал-социалисты взяли из исторического багажа педагогики и философии именно то, что обеспечивало в их системе воспитания и образования безраздельное доминирование строгой дисциплины при иллюзии полной свободы. Они провозглашали целью своей молодёжной политики «воспитание активного члена общества», создание нового поколения граждан, безгранично преданных идее вождей. Поэтому молодёжь подвергалась беспрецедентной идеологической обработке под прикрытием «культурной революции» (в СССР) и «унификации» (в Германии), находилась под постоянным воздействием централизованной пропаганды.

Хотя в начале войны произошёл определённый поворот, ибо «в фазе непосредственной военной подготовки национал-социалистской Германии не могла больше позволить себе, как высокоиндустриальное государство, временное вытеснение школьного «образования» внешкольным «воспитанием» [16, С. 186]. Но преимущество политики перед педагогикой было, всё же, неоспоримо. Этому соответствовало также особенное значение, которое приписывали педагоги Третьего Рейха функциональному воспитанию. Функциональное воспитание и планомерное воспитание стояли также на службе всеобщего «приспособления». Однако вопреки многочисленным указам и организационным мероприятиям унифицированная школьная политика оказывалась не простой, ибо, с одной стороны, компетенция между функционерами Рейха не была чётко ограничена, с другой – имелись различные представления о будущей воспитательной системе, что привело к сильным конфликтам [14, с. 176-177, 179].

В отличие от сугубо авторитарной молодёжной политики в сталинистском Советском Союзе, в Третьем Рейхе на первый взгляд существовала иллюзия некоторой свободы в деятельности союза немецкой молодёжи – Гитлерюгенда. Дискуссия между школой и ГЮ, организационные перестройки предполагали возможность особенной школьной воспитательной системы, в которой должна была взращиваться «свободные», «дисциплинированные» кадры для Рейха и НСДАП. Никакого особого занятия (в СССР для молодёжи обязательно было «политзанятие», по крайней мере, школьные «политинформации») нацистские функционеры не устраивали. Но политические элементы и «новые» образовательные цели присутствовали почти во всех распоряжениях и директивах, в частности, и для таких предметов, как физическая культура, география, история, биология. Следует особо отметить, что в директивах рейхсминистерства науки, воспитания и народного образования 1938 г. для отдельных школ исключительное внимание уделялось истории. Так, занятия по истории имели задачу доступно вводить «от всегда эффективных и нерушимых непрерывных расовых основ немецкого народа» к уверенности большого национального бытия, охватывая прошлое и будущее. При этом они не должны были насаждать односторонние критические способности, так как пониманию исторического прошлого скорее свойственны воля и чувства, а уж потом разум.

Таким образом, краткий историко-сравнительный взгляд на молодёжную политику тоталитарных государств и анализ ее идейно-социальных основ по-

казывают, как их идеологам удалось достичь парадоксально эффективных результатов. Потому что молодежная политика была важнейшим направлением общегосударственной политики. Воспитанные в духе изначально заданных идеалов, прочно соединенных с партийной идеологией, члены молодежных союзов при правящих партиях и движениях должны были прийти на смену старшему поколению функционеров, сохраняя едва ли не еще более фанатичную преданность установленным с самого начала ценностям. Надо помнить, видимо, и о том, что у подобных политических систем – куда больше возможностей и куда более широкий спектр применяемых средств воздействия на молодые умы. Поэтому в тоталитарном государстве эффективность работы с молодежью и воспитания нового поколения подданных, безгранично преданных тем, кто стоял у власти, была так высока.

Список литературы:

1. Андреева Е.А. Политическое воспитание при национал-социализме в Германии // *Образование и насилие: Сборник статей*. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004. С. 206-212.
2. Валеев И.И., Уланова И.А. *Воспитание: дисциплина и свобода*. Уфа: УГАЭС, 2011. 201 с.
3. Гербарт И.Ф. *Избранные педагогические сочинения*. Т. I. М.: Учпедгиз, 1940. 302 с.
4. Гесс Р. *Избранные речи*. М.: Палея, 2004. 205 с.
5. Гитлер А. *Моя борьба*. М.: ИТФ «Т-ОКО», 1992. 599 с.
6. Кант И. *Антропология с прагматической точки зрения* // Кант И. *Собрание сочинений*. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 137-376.
7. *Куда идёт комсомол?* М.: Мол. гвардия, 1990. 221 с.
8. Ленин В.И. *Московская губернская конференция РКП(б): 20-22 ноября 1920 г.: Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии: Речь 21 ноября 1920 г.* // Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 17-38.
9. Ленин В.И. *Лучше меньше, да лучше* // Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Т. 45. М.: Политиздат, 1974. С. 389-406.
10. Масалимов Рияз. *Власть и свобода для молодёжи в структуре тоталитарной политической системы (На примере гитлеровской Германии и сталинистского СССР) // Власть и свобода в структуре глобальных тенденций развития экономико-правовых систем и методик управления*. 2014. URL: <http://gisap.eu/ru/node/52378>
11. Масалимов Р.Н., Хамидуллин Р.Р. *Идейно-социальные основы союзов молодёжи в первой половине XX века (ВЛКСМ и Гитлерюгенд в системе тоталитаризма)* // *В мире научных открытий*. 2014. № 11.11 (59). С. 4541-4559.
12. Моссе Дж. *Нацизм и культура: Идеология и культура национал-социализма*. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. 446 с.
13. *I съезд РКСМ, 29 октября – 4 ноября 1918 г.: Протоколы*. М.: Мол. гвардия, 1990. 191 с.
14. Хамидуллин Руслан. *Эволюция отношений германского офицерского корпуса и НСДАП в 1933-1939 гг.* Саарбрюккен: LAP, 2012. 209 с.
15. Шацкин Л.О. *самодетельности* // *Позывные истории*, 1990, вып. 9. С. 26-31.
16. Gamm H.J. *Gamm H.-J. Führung und Verführung: Pädagogik des Nationalsozialismus*. München: List Verlag, 1964. 497 p.
17. Kriek Ernst. *Nationalpolitische Erziehung*. Leipzig: Armanen Verlag, 1937. 367 p.
18. Schirach von, Baldur. 1936 // *Dokumente der deutschen Politik*. Band 4. 243 p.
19. Schirach von, Baldur. *Revolution der Erziehung: Reden aus den Jahren des Aufbaus*. München: Zentralverlag der NSDAP, 1942. 202 p.
20. Wilhelm Theodor. *Pädagogik der Gegenwart*. Stuttgart: Kröner, 1959. 463 p.